

**СТИХОТВОРЕНИЯ С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО
ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКАНСКОМ ДЕТСКОМ КОНКУРСЕ ЧТЕЦОВ
«ЧИТАЕМ С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО - 2024»,
ПОСВЯЩЕННОМ, ГОДУ СЕМЬИ В РОССИИ**

1. ЛЮБИТЬ РОДИНУ
2. КРЫМ
3. ПРИРОДА И ВРЕМЕНА ГОДА

1. ЛЮБИТЬ РОДИНУ

РОДИНА

Мне не случалось Родину терять
И жить за рубежом не приходилось;
Как мог бы я поверить и понять,
Чтоб там, за рубежом, вольнее сердце билось!
Стыдом бы счёл я верить в этот бред!
Я вижу Родину и новой, и большою,
А потому и в восемьдесят лет
Остался телом прям и юн душою.
Где б ни был я, везде найдут меня
Свои поля, свои моря и горы:
Ведь даже солнцу не хватает дня,
Чтоб оглядеть моей земли просторы!
Я знаю много слов, и их удельный вес
Известен мне: слова – моя стихия;
Нет равного! Оно как гром небес,
Оно как девственный бескрайний мощный лес
И круглое, как шар земной, –
РОССИЯ!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Нет, что ни говори, земли кусок,
Когда к нему ты смолоду привязан,
Он там, внутри тебя; ты им высок,
Ему любовью к жизни ты обязан.
Ты скажешь: «Родина» – и думаешь о нём,
Ты скажешь: «Я» – и он перед тобою.
Забыть захочешь? – Нет! Как память о былом,
Ты всюду повезёшь его с собою!
И если вдруг поймёшь – там, где-то в тайниках
Своей души, – что жить осталось мало,
Ты поспеши отдать свой тленный прах
Земле, которая тебя питала.

ТАК ЖИВИ

Так живи, чтобы жалости
Не возбудить ни в ком,
Чтобы приступ усталости
Был тебе незнаком;
Чтоб подальше, сторонкою,
Обошла тебя хворь.
Песню петь – только звонкую,
Спорить – яростно спорь.
Закали себя смолоду
И не прячься ты в тень,
Если даже от голоду
Туго стянешь ремень.
Будь не солнце, но луч его,
Задави в себе дрожь,
Не ищи себе лучшего,
Если сам ты хорош!

ТРИ ВСТРЕЧИ

Тебя я встретил в ранний час –
Ты на меня глядел устало;
В тебе я видел сил запас,
Но их для жизни было мало.
Случайно ль было или нет –
Тебя я в полдень жизни встретил;
Искал твоих деяний след,
Но не нашёл иль не заметил.
И наконец в вечерний час
При встрече вовсе не случайной
Ты мне сказал, что ты погас,
Да это было и не тайной.
Погас ли ты или прозрел,
Что жить напрасно ты старался?
Ты только думал, что сгорел, –
Ты никогда не загорался.

НАШ ЯЗЫК

В век темноты самодержавья
Тургенев к Родине приник
И взял, как меч против бесправья,
Наш златокованный язык.
Он чужеземцев знал обличье.
И наше прошлое он знал,
Народу русскому величье
По языку он предсказал.
И слово вешнее мы ценим.
И слово русское мы чтим.
И силе слова не изменим,
И святотатцев заклеим:
Тех, кто стереть готовы грани
Всех слов родного языка,
Всех самоцветов, цветотканей,
До нас дошедших сквозь века;
Кто смотрит взглядом полусонным,
Забившись зябко в свой шалаш,
Кто пишет языком суконным
И выдаёт его за наш...
Ведь это гений наш народный
Сверкал под гнётом тяжких туч –
Язык правдивый и свободный,
И величав он, и могуч.
К нам перешёл он по наследью,
Для нас дороже он всего,
Мы заменять чужою медью
Не смеем золота его.
Как стража драгоценной чаши,
Должны мы дар веков беречь
И новым блеском жизни нашей
Обогатить родную речь!

ЗАБОТЫ ЖИЗНИ

Каждый миг в нас что-то умирает,
Каждый миг в нас новое растёт...
Разве кто-нибудь наверно знает,
Что его через мгновенье ждёт?
Жить – весьма нелёгкая задача:
Надо перемен в себе не знать,
Надо, чтоб во всём была удача,
Надо кончить то, что смог начать...
Разных «надо» в каждом часе – стадо,
Но к концу земного бытия
Ждёт тебя немалая награда –
Вспомнишь, скажешь: славно пожил я!

УРОЖАЙ

Глянуть только – что ж это за диво!
Как вплотную тут стоят колосья!
Это нива? Нет, это не нива,
Это – русское полноголосье!
Это – то, что круто закруглёно,
По-хозяйски, батраков не надо!
Есть гостям незванным оборона,
Ну а званым мы, конечно, рады.
Выше человеческого роста,
Колос прямо небывало долог!..
Ястребам совсем не так уж просто
Здесь охотиться на перепёлок.
Чьих рук дело, после разберёмся,
Имена героев мы узнаем,
А пока посмотрим, улыбнёмся:
Пред каким стоим мы урожаем!
Урожай? А слово это то ли?
Есть ли в нём все мысли и все чувства,
Влитые в подобное приволье?
Нет, это – созидание искусства!
Не взрастили, возвели палаты,
Воплотили, как мечту поэта...
Это не подарено, а взято
У земли и солнечного света.
Васильки тут были бы похожи
На ребячьи кляксы на картине,
Их и нет: нигде, смотри, прохожий,
Не мелькнут они расцветкой синей.
Васильки ушли с полей в гербарий,
Оттого поля необычайны...
– Это кони там проходят в паре?
Нет, идут на спелый хлеб комбайны!

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Отодвинутый в былое
Старый мир понять не смог,
Что стояло роковое
На распутье двух дорог.
Был в своей уверен силе:
Ставил пушки у ворот...
Старый мир теперь в могиле,
Новый мир зовут — Народ.
Без различья цвета кожи,
Рас, религий и племен
Новый мир, на наш похожий,
Поднялся со всех сторон,
Чтобы стал потом у власти
В целом мире Человек,
Чтоб остался веком счастья
Навсегда двадцатый век.

19/ХП—1948 г.

ПОБЕДА БУДЕТ

Кусок земли отвоевать
У гор иль у болот,
Построить дом и насажать
Здесь сад и огород, -

Вот это – мирной жизни зов,
И вот за это –честь;
Завет и дедов и отцов, -
Как было, так и есть.

Трудом для жизни жизнь крепка;
Но что же делать ей,
Когда к ней тянется рука
С корзиною смертей?

Не камень гор, не топь болот, -
Идет за жизнью враг;
И мирных дел страна встает
Врага развеять в прах.

Так будет! Будет снова тишь,
Цветы, хлеба, трава ...
Страна моя, ты победишь,
Поскольку ты права!

18/VI-48 г.

ЭПОХА МУЖЕСТВА

Эпохой мужества должны назвать
Со временем наш бурный век двадцатый,
Все стали в нем подводны и крылаты,
Уселись в танк и разложили атом, -
На всех легла дерзания печать.

Но дальше всех шагнули в этом мы.
Мы мужеством и женщин вдохновили,
И изумился мир огромной силе,
Какую женщины советские развили
В борьбе против фашисткой жуткой тьмы.

Мы – воины и в мире, как в войне,
У нас борцами стали даже дети.
Пересмотрите множество столетий, -
Такого взлета мужества на свете
Никто не видел даже и во сне!

13/ VII-48 г.

ВОЙНА

Мы новь для счастья мира пашем;
Стал выше ростом человек.
Когда-нибудь о веке нашем
Потомки скажут: - Бурный век!

Мы воевали вне отчизны,
Вели войну внутри страны,
Но мы б отдали наши жизни,
Чтоб больше не было войны!

Пусть все признают, что вторженье
В страну чужую с этих пор
Есть – мировое преступленье,
Всечеловеческий позор!

О БУДУЩЕМ

...Потом, потом, когда пройдет
Последняя война,
Как небывало расцветет
Советская страна!

Меня не будет уж тогда,
Но Крыму я б хотел
И неуклонного труда
И многих славных дел.

Дорог побольше и домов,
Садов, садов, садов!
Улыбок ясных, острых слов,
Веселых вечеров.

Чтоб жизнь здесь солнечной была
На солнечной земле;
Чтоб никому не провела
Ни складки на челе;

Чтобы ходила с утюгом,
Разглаживая их;
Чтоб только смех звенел кругом,
Смех ярко- молодых!

Хочу, чтоб шире лился свет
И сердцу и уму;
Хочу, чтоб каждый был поэт
В ликующем Крыму!

СЕВАСТОПОЛЬ 22 ИЮНЯ 1941 г.

Как нам было не верить — война не грозит
Договор был подписан в Кремле!
Вдруг среди ночи налет. Севастополь горит
Мы стоим не на прочной земле.

Закачалось под нами... Явь или видим полюс
В рейс из бухты пошли корабли...
Пусть врагов еще нет. - брошен вызов к бою
И огромное встало вдали.

Ночь на двадцать второе июня легла
Между нами и Западом рвом...
На Москву и на Киев атака была, -
Мы узнали об этом потом...

На Одессу, на Минск, Ленинград... Широко
Размахнулся заносчивый враг...
Он как будто стучал в стену, двери, в окна
Вот куда я направлю свой шаг!

Все должно было делаться, как предсказал
Бесноватый фашистский пророк:
Шел не с моря, а с суши девятый к нам вал
И дойти он был должен в срок.

Силы были огромны; - таких никогда
Не видал еще шар земной
Севастополь припомнил былые года
И поднялся на смертный бой.

Смерть ли это стучала тогда в его дверь
Обречен он бессильным лежать?
Нет, бессмертье! Об этом мы знаем теперь
Но могли и тогда предсказать.

ПЯТЕРО ГЕРОЕВ

Памяти матросов-черноморцев: Фильченков,
Цибулько, Красносельского, Паршина и Одинцова

Их было пятеро; они
Матросы были,
А Севастополь в те дни
Враги громил.

Морской просоленный народ,
Теперь — солдаты;
У них один был пулемет,
У всех - гранаты.

Их было пятеро, стальных
Как танки вражьи,
Ретиво падали на них
Державших стражу.

И танкам силы не занять,
Чтобы сналету,
Всех храбрецов стереть и снять
С их пулеметом.

И из орудий штумовых
Их обстреляли,
И пули пулеметов их
Кругом свистали,

И кровь текла уже из ран,
А смерть лихая,
Кладет им лапы на курган,
Жерлом зияя.

Последний шаг ей прост на вид,
Но скрытый ямой,
Один из пятерых лежит
Матрос упрямый

И ждет, когда гранату он
Добросить сможет,
Он ранен в голову: трезвон
В ушах трезвонит...

Дождется ли?... Дождется!... Взмах
Рукою правой!
Там-взрыв, но смерть уж в двух шагах:

Лязг цепью ржавой,

И он накрыт. Последний гром,
Но он утешен:
Ведь он гранатами кругом
Был весь обвешен.

Танк взорван!... Пламя, стоны, дым
Летит клубами...
Но новый движется за ним,
И в новой яме

Теперь другой матрос залег,
Как бы на роздых;
Он смерти пережил порог,
Но танк — на воздух!...

И новый танк идет ретив...
Под этим трое
Погибли, танк не пропустив,
Как те герои.

И фрицы поняли: стоят
Матросы грозно;
Решили повернуть назад,
Пока не поздно.

Цветет советская страна,
Врага изгнавши,
Мы твердо знаем имена
Героев наших.

Нам их деянья дороги,
Но мы б желали,
Чтоб наши новые враги
Их тоже знали!

20.X.48 г.

ТЫ И ЖИЗНЬ

Влюбленным в жизнь родись на свет!
Во всем, за что ты взяться можешь,
Найди, чем был бы ты согрет,
И жизнь к себе ты приворожишь.

Пустыни в сад преобрази,
Построй дома, создай машины!
Влюбленный в жизнь найдет пути
Всю жизнь прожить как миг единый!

ЗЕМЛЯКАМ

Не потому ли, что порой
Нас манит даль неудержимо,
Мы с вами, друг читатель мой,
Прислали к побережью Крыма?
И вот мы солнечной страны
Телохранители – солдаты,
И вот мы мыслями полны
И раем образов богаты.
Здесь о минувшем говорят
Так внятно древние руины.
Здесь шелест листьев – стих баллад,
Здесь что ни шаг – встают картины.
Мы не туристы здесь, - творцы,
Творцы грядущего величья,
У нас не хижины, - дворцы,
У нас особое обличье.

09.07.1948 г.

ПОМНИ

Какой бы ни был завтра день,
Его хозяин будь:
Туман ли, снег, от туч ли тень –
Об этом ты забудь,

Когда работа за столом,
Где все твои дела,
Когда порядок дня знаком
И голова светла.

А что живёт твоя страна
Для подвигов больших,
Что служит образцом она
Для многих стран других,

Что больше, больше нужно ей
Для полной красоты
Самоотверженных людей –
Об этом помни ты!

Когда-то наши моряки
На парусных судах
Смогли открыть – вот так дерзки! –
Антарктику во льдах.

Теперь уж наши люди там
Исследуют тот край,
Навеки отданный снегам, –
О них не забывай!

* * *

Если ты атлет, то гири поднимай,
Если ты бегун, то бегай без оглядки.
Если ты вратарь, мячи не пропускай,
Если ты влюблён, люби во все лопатки.
Ну а если книг читать ты не привык,
Если пить и жрать – одна твоя отрада,
То какого ж чёрта, скажем напрямик,
Учишь ты меня, как мне писать их надо!

2. КРЫМ

О КРЫМЕ

Нет, не затем я здесь, в Крыму,
Живу, чтоб барствовать в покое!
Я всем собой плачу ему
За это море голубое.

Я сросся телом и душой
С его кудрявыми горами:
И разве Крыму я чужой?
И разве нет родства меж нами?

Ведь каждым канем Крым мне свой,
Любым кустом за камнем этим,
И чуждых струн неверный строй
Мы с ним сочувственно отметим.

Когда мой дом разрушен был,
Казалось, нам не жить уж вместе,
Но Крыму я не изменил,
И – дом стоит на прежнем месте.

Когда был вырублен мой сад,
Вращенный долгими годами,
Казалось, пусть себе торчат
Пеньки, чтоб стать потом дровами.

Но сад я новый посадил:
Умру, - он будет цвести весною
Вокруг него тут нет могил,
А жизнь тут начата со мною.

Я первый здесь, на высоте,
Где рос боярышник колючий,
Дивясь безлюдной красоте,
Построил дом себе над кручей.

На всякий взгляд - давным-давно, -
Почти полвека, срок немалый...
Мне время числить не дано,
И это мой порок, пожалуй.

Я не умею забывать
И все, что было, четко вижу,
Что я любил, люблю опять,

Что ненавидел, - ненавижу.

Должно быть, то , на что смотрю
Я ежедневно, ежечасно,
За что я Крым благодарю,
В чем с ним душа моя согласна,

В меня слегка перелилось,
И стал я стойким на просторе:
Ведь гор нельзя поставить вкось,
А это море – вечно море.

И переделывать меня –
Напрасный труд, да и ненужный:
За чудо прожитого дня
Плачу я вязью слов жемчужной.

Обогащенный красотой,
Влить красоту в слова хочу я;
Найдут в них волны отблеск свой,
По бездорожью вод качуя;

Найдут в них горы свой напев,
Не всем ведь слышный в день спокойный,-
Найдут и молнии свой гнев,
И тучи – радость в полдень знойный.

Пусть даже в сотой доле то,
Что я впитал, волью в слова я,
Доволен буду, - ведь зато
Прочнее будет связь живая.
Отчет лишь вам, мот друзья,
Мне бесконечно дорогие!
И если мало сделал я,
Пусть больше сделают другие.

ЖИТЬ В КРЫМУ

Жить в Крыму не всякому дано.
Пусть вы много по земле блуждали
Только здесь найти вам суждено
То, что нигде вы не видали.

Если б и в Крыму вы не нашли,
Если и в Крыму вы не поймете,
Что такое красота земли,
То зачем вы на земле живете?

О БУДУЩЕМ

... Меня не будет уж тогда,
Но Крыму я б хотел
И неуклонного труда
И многих славных дел.
Дорог побольше и домов,
Садов, садов, садов!
Улыбок ясных, острых слов,
Веселых вечеров.
Чтоб жизнь здесь солнечной была
На солнечной земле;
Чтоб никому не провела
Ни складке на челе;
Чтобы ходила с утюгом,
Разглаживая их;
Чтоб только смех звенел кругом,
Смех ярко-молодых!
Хочу, чтоб шире лился свет
И сердцу и уму;
Хочу, чтоб каждый был поэт
В ликующем Крыму!
29.07.1948 г.

НЕТ, НЕ ЗАТЕМ Я ЗДЕСЬ В КРЫМУ

Нет, не затем я здесь в Крыму
Живу, чтоб барствовать в покое!
Я всем собой плачу ему
За это море голубое.

Я сросся телом и душой
С его кудрявыми горами.
И разве Крыму я чужой?
И разве нет родства меж нами?

Какой бы ни был край иной,
На тысячу ладов,
Я как фанатик записной,
Свой край хвалить готов.

И это просто потому,
Что Крым мне стал родной,
Что я настоян на Крыму,
И крепок мой настой.

... И Крым к России приобщен.
Доскажем то, что намечало
Сказать нам время в свой черед:
В Крыму положено начало
Движенью бурному вперед.

Пред нами путь теперь не узкий, -
Шагнем мы к далям голубым!
И станет он из русских русский,
Наш благодатный теплый Крым!
18.08.1948 г.

КРЫМ – ДОМ

Мало в Крыму два-три месяца жить,
Выполнив этим «задание»,
Надо сродниться с ним и полюбить
Это прекрасное здание.
Крым не скрещение длинных путей
В область бездельного роздыха,
Крым – это дом для миллионов людей,
Жажущих солнца и воздуха.
Только украсть стены этих палат
Легкой руки человеческой, -
Крым возместит тебе маленький вклад
Теплою лаской отеческой.
В древности в норах искали приют,
Жили здесь жизнью кротовою, -
Гнезда, как ласточки стройте вы тут,
яркой блестяте обновою!
Крым вас поднимет до мощных высот
Стенами нерукотворными,
Дом этот вашим трудом расцветет, -
Будьте в работе упорными.
Больше садов и побольше дорог!
Дружно скрестите усилия,
Что бы на Крым опрокинулся рог
Мыслей и мышц изобилия!
12.07.1948 г.

ПУШКИНСКИЙ ГРОТ ПОД ГУРЗУФОМ

В гроте Пушкина светло-зелёная
И до дна прозрачная вода;
У кого душа в мечту влюблённая,
Тот придёт на ялике сюда.

Дно морское с ялика исследуя
Он немного нового найдёт,
Но как будто с Пушкиным беседую
Оживёт пред ним старинный грот.
Низкий свод его начнет ребячиться,
Обнажая след былых утех,
В этом своде где-то будто прячется
Звонкий, молодой поэта смех.

И в воде, сиянье отражающей,
Переливы струй так хороши,
Будто в ней, кристальной, поражающей,
Есть частица пушкинской души.

«МОНАХ» И «ДИВА»

На чем бы вы ни проплывали мимо
Двух этих скал на Южном берегу,
Вы услышали б, как тут нерушимо
Старинные преданья берегут.

Мечты, мечты! Как ищут воплощенья
Они в слова и в краски, и в гранит!
Любовь и верность вышли тут из тленья,
Любовь и верность тут вошли в зенит.

Каким резцом чудесным изваяны,
До пояса купаясь в волнах.
У берега тут стали великаны,
Она и он – вот «Дива», вот «Монах».

Бела, как мел, но низковата «Дива»,
«Монах» высок и черен и могуч...
Да, это – сказка, но она красива,
Как по морю скользнувший яркий луч.

Да, это – сказка, но она - отрада
Для тех, кто в вышину кидает мяч,
Пусть будет сказка! Трезвости не надо
Тому, кто юн и весел, и горяч.

На берегах тут гулко жизнь кипела,
За кратким миром долгая война...
Жгли!.. Строили и жгли!.. И пели стрелы...
В жестоких схватках гибли племена.

А в море, как залог, что жизнь неистребима,
Стояли двое каменных... Века,
Тысячелетья проползали мимо, -
Их не касалась времени рука.

Но море, мое... Яростное море...
(Не верьте тихой ласковой волне!)
Оно в извечном с берегами споре,
Переходя то здесь, то там к войне.

Прибой... И вновь прибой... И в белой пене
И в брызгах бешеных, и в водяных холмах
Скрываются чуть видные, как тени,
Любовь и верность, «Дива» и «Монах».

БАХЧИСАРАЙ

Столица ханов бородатых
И русских пленников острог,
Бахчисарай гремел когда-то,
Хотя был грязен и убог.

По Сеньке шапка, вору впору,
Дворец одноэтажный в нем
Блистал награбленным добром
И ханских жен огромной сворой.

Последний хан Шагин гирей
Его ободранным оставил,
Потемкин, шеф ночных царей,
С царицей в нем себя забавил.

Дворец горел и возникал,
В нем стиль восточный соблюдали,
Кто как хотел и понимал,
И так и сяк его латали.

Но нужен бы приезд сюда
Творца поэм, цветник симфоний,
Что б вновь, как встарь дворца звезда
Зажглась на русском небосклоне.

И не зловещею звездою,
Она взошла преображенной:
Остановился пораженный
Народ пред этой красотой.

Из недр глубоких бытия
Забил волею титана
«Бахчисарайского фонтана»
Животворящая струя!

Дача Чехова в Ялте

И полвека не прошло с тех пор:
Чехов жил над синей моря ширью;
Недоволен был он ветром с гор,
Называл Крым «тёплой Сибирью».

Но в Крыму большой оставил след:
Дача в Ялте всем видна на свете.
Эту дачу строил сам поэт,
На море глядел сквозь сини эти.

В ней осталась часть его души,
Целый мир навеки изумившей;
Здесь творил и здесь мечтал в тиши
Он, так мало на земле проживший...

Бушевала лютая война,
Многое враги здесь истребили.
Дача от огня сохранена:
В целом мире Чехова любили.

СКАЛА ШАЛЯПИНА

В семнадцатом году, в июне,
В ночном в двенадцатом часу
Шла из Гурзуфа в новолунье
По направлению в Суук-Су

Толпа людей. Их вел Шаляпин
К своей на берегу скале.
В рубахе белой, в белой шляпе,
Огромный, двигался во мгле.

Как бы сошедший с пьедестала,
Могучим басом говоря;
Толпе дорогу освещало
Четыре бледных фонаря,

В толпе тут были и артисты,
И три гурзуфских рыбака,
И запасные гитаристы,
И повара из «Поплавка».

Несли кто что: вина бочонки,
Баранину для шашлыков,
И тем, кто вкус имел тут тонкий,
Кефаль и крупных лобанов,

Посуду и дрова сухие,
И все, что нужно для костра,
Чтоб, вспоминая дни былые,
Кутить до ясного утра.

Скалу певец купил когда-то,
Как многое он покупал.
И вот на ней теперь богато
Зарю он встретить замышлял.

Зарю не просто, а свободы
Народа русского зарю:
Совсем недавно земли, воды
И люди пели гимн царю.

Но ведь чуялася всеми
Другая, новая заря.
Копились силы, зрело время
Зари Великой Октября...

Дошли к скале. Необычаен

Зажжен костер. Начался пир.
Как атаман, а не хозяином
Держался волжский богатырь.

Шуршало море под скалою,
Шипел шашлык на вертеле,
И живописнейшей толпою
Расселись люди на скале.

Остроты, шутки, смех привольный,
Звон несыгравшихся гитар;
Все были молоды довольно,
Да и хозяин был не стар -

В начале пятого десятка,
В зените славы мировой...
Он здесь сидел не для порядка,
Он не командовал толпой.

Лежал и слушал шорох моря,
И звук гитар, и женский смех;
И вдруг запел, как будто в хоре,
Но неожиданно для всех.

Быть может, волжскую кручину
Хотел он морю передать,
К нему лицом он пел «Лучину»,
Так пел, как мог лишь он певать.

Тоску народную по свету,
По лучшей доле на земле
Вложил Шаляпин в песню эту
В ту ночь пред морем на скале.

И будто понимало море,
Внизу приглушенно шурша,
Как изнывала в русском горе
Большая русская душа.

Пылал костер; трудились гости,
Бочонки выкатив вина,
Бросая наземь рыбы кости...
Кругом стояла тишина,

А на скале, как на эстраде,
Все также к морю обратясь,
Шаляпин пел не скуки ради,
А будто бы заре молясь.

Он пел о том, что «жил когда-то
Король, при нем была блоха...»
И жутко было от раската
Могучих взрывов «Ха-ха-ха!»

Могло и море слышать: плохи
Еще дела людей нагих;
Король был снят — остались блохи
В кафтанах бархатных своих.

Шаляпин пел всю ночь... На диво
Огромный голос не слабел.
Так вдохновенно и красиво
Он никогда нигде не пел.

Все было съедено гостями,
Все было выпито вино:
Потух костер, а с фонарями
Полупогасшими темно.

Но в это время на востоке
Заря блеснула в небосклон;
Увидел это зоркоокий
Певец, и гимном кончил он,

Заре и солнцу повторяя
Святые Пушкина слова.
И над скалой, зарю встречая,
Его белела голова.

АЛУПКА

Их было двое: князь-вельможа
Английской складки, генерал,
Администратор важный — боже! -
Он целым краем управлял;

Другой был маленький чиновник,
Притом опальный, музам друг,
Ходячих эпиграмм виновник,
За это сосланный на юг;

Был совершенно неспособен
Бумажки дельной написать,
В командировки — неудобен,
В парадировки — не под стать.

Конечно, был весьма забавен,
Вертляв, неглуп, умел острить...
Поэт? Но он уже бесславлен,
Его приказано давить.

Бездельник, пуст... А князь серьезен:
Он насаждал и воздвигал.
Дворец в Алушке грандиозен,
Ведь это он его создал.

Красив и прочен! Камни клали
Здесь на расплавленный свинец!
Таких в Крыму тогда не знали,
Пример — алушкинский дворец.

И парк при нем в английском роде;
У князя денег, вкуса — тьма,
Он крымской помогал природе
Всею силой власти и ума.

Такой отъявленный строитель
Как мог бездельника терпеть?
Подав донос — и сочинитель
В своей деревне стал сидеть.

Однако, цену людям зная,
Он эпиграмму вновь создал
И, в глушь, на север уезжая,
О князе коротко сказал:

«Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,

Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец».

Что князю? Он куда ни станет,
Как из земли, дворцы растут,
И управлять он не устанет,
Везде по мерке, тут как тут.

Что князю? Он куда ни станет,
Как из земли, дворцы растут,
И управлять он не устанет,
Везде по мерке, тут как тут.

Весь в звездах, точно свод небесный,
Не шел по жизни, а летал,
И на Кавказе путь чудесный
Он, как наместник, завершал.

Другой не строил даже кельи,
Не мог служить и не служил,
Потом убит был на дуэли,
Кругом в долгах, в расцвете сил.

---Прошло сто лет. Се стало ново.
Успели вновь перепахать,
И имя князя Воронцова
В Алупке можно услышать.

А что ж о Пушкине-поэте?
Давно уж стал он мировым,
И нет такой страны на свете,
Где б, мертвый, не был он живым.

Его дворцы из слов певучих
Нигде к земле не приросли,
Поверх шлагбаумов скрипучих
Идут из края в край земли.

Пусть Пушкин не писал докладов
Об украинской саранче,
Пусть не годился для парадов,
Для эполета на плече.

Для бесконечных заседаний
С распрелезным Дондуком,
Зато он в тысячах изданий
Повсюду каждому знаком!

Пусть пропустил для службы сроки
И орденов не получал,
Зато сам орденом высоким
Он на груди России стал!

Зато он наша честь и слава,
Как высший гения полет.
И имя ПУШКИН величаво
Из века в век, из рода в род!

ГОРА ЕКАТЕРИНА

К Алуште подъезжая по шоссе,
На прихотливо слеplенной вершине,
Налево от дороги, видят все, -
Как будто памятник стоит Екатерине.

Была ребриста белая скала,
Её дожди и ветры округляли:
Из года в год над ней работа шла,
И камни лишние, как от резца, спадали.

Когда-то их смело землетрясенье, -
Под статуей открылся пьедестал...
Стихии слепы; нам на удивленье
Кусок скалы Екатериной стал.

Быть может, ей и место на вершине
Одной из гор в полуденном Крыму:
Мысль Крымом овладеть пришла Екатерине, -
Её мужскому крепкому уму.

При ней на эти водные просторы
Впервые вышел Черноморский флот;
Она по праву взобралась на горы
И смотрит так хозяйственно вперёд.

Под ней на склоне лепится деревня,
Сады и виноградники кругом;
Вид у горы весёлый и не древний, -
Она огромным кажется холмом,

Насыпанным на память о победах
России, совершившей марш на юг,
Чтобы счастливый внук не забывал о дедах,
Когда настанет для него досуг.

21.IV.48.

МОСТ ЧЕРЕЗ КЕРЧЕНСКИЙ ПРОЛИВ

Мост через Керченский пролив,
Кубань и Крым соединив,
Стоял не долго. Лёд весенний
Его свалил, погиб и труд;
Но всё ж не может быть сомнений,
Чтоб наш свободный русский гений
Не овладел стихией тут.

Мост будет! Мощно и красиво
Взнесёт он арки над проливом,
И своенравная вода,
Непокоренная борьбою,
Ещё услышит над собою
Как загрохочут поезда.

И над мостом между морями -
(Кто рыл тебя, извечный ров?),
Как нашей юной мощи знамя,
Возникнет мост меж двух краёв.
14.VIII.48

ГОРА КАСТЕЛЬ

Желтые полуденные склоны,
И по ним тропинки из кармина,
А вверху – насыщенно-зеленый
Горный лес, курчавый, как овчина.

По тропинкам – белые в движеньи:
Это – в летних платьях северяне
Совершают плавно восхожденье,
И горы теперь для них – в сияньи; -

Та гора, которая роднее,
Мне, чем все ржаных полей разливы:
Каждый день и каждый час во дне я
Заворожен ею, молчаливой!

Между нами равенство и братство:
Я ее, не видя, ощущаю,
И ее несметные богатства
В песню или сказку обращаю.

И всегда мне кажется в гордыне:
Для нее, с ее орлиным взглядом,
А не где-то низко в котловине,
А вот тут-же, вровень, близко, рядом...

Для меня она так человечна:
Я люблюсь ею четверть века;
Ведь должна-же и она, конечно,
В рок такой заметить человека...

И когда я вижу этих белых
В мареве карминовых дорожек,
Маленьких, согбенных и несмелых. –
Мне гора моя еще дороже.

Мой успех мне был всегда несносен,
Но зато ее успеху рад я,
И милы мне меж дубов и сосен
В вышине белеющие платья.

1929 г.

МАНГУП – КАЛЕ

Гора, и в ней пещеры... Жуткий вид!
Кругом пустыня. Известковый камень.
Могилы чьи то. Солнца жгучий пламень
Здесь память о минувшем пепелит.

Ни деревца и ни малейшей тени.
Подумать только, что не так давно,
Назад лет двести, здесь, по повелению,
Жить очень многим суждено.

И жили, и считали счастьем даже,
Что здесь живут: их крепость берегла.
Мечтали о покупках, о продаже,
Копили деньги и вели дела.

И даже ханы крымские спасались
Здесь, на горе, когда Бахчисарай
Да и другие города сжигались,
Врагом, вступившим в их богатый край.

Здесь изнывал в неволе, как таковский,
Посол Ивана Грозного Грязной;
Чтоб выкупить любимца, царь московский,
Был вынужден потряхнуть своей казной.

В Бахчисарае так не раз бывало:
Послов Москвы, огромнейшей земли,
Ругали, что подарков дали мало,
И вот сюда, как пленников вели.

Из этих страшных нор в моленьях слезных
Оповещали те царей своих, -
Без прозвища, тишайших или грозных, -
Что «погибают животишки» их.

Теперь пустыня, - место для раздумья;
Гора – подобие пчелиных сот.
Здесь мог бы жить лишь тот, кто впал в безумье,
Однако долго ль здесь он проживет?

Но час пути, - и вот уж море плещет,
И жизнь кругом – как быть должна теперь,
И зелень парков нежит глаз и блещет,
А в прошлое гвоздем забита дверь.

ПАМЯТНИК КУТУЗОВУ

(Баллада)

Труден спуск к Алуште. Воздух жарок.
Крым водою беден... Вдруг вода!
Чей же это дорогой подарок?
Воду кто, когда провел сюда?

Можно выпить не один половник
И умыться, если запылен...
Здесь когда-то бравый подполковник
Вел в атаку русский батальон.

Если склонны слушать вы, то слушайте,
Тема для рассказа хороша:
В семьсот семьдесят четвертом при Алуште
Высадил десант Гассан-паша.

Был в Стамбуле он большой сановник,
Родственник султана, адмирал.
Мир уж был подписан. Он — виновник:
Сделал вид, что этого не знал.

Он десант направил к перевалу., но не плох:
План его был дерзок, но не плох:
С корабля явившись к балу.
Русских думал он застать врасплох,

Крым поднять на новое восстанье,
Самочинный мир сорвать войной,
Воротить султану состоянье
Давности уже трехвековой.

От турецких фесок красно стало,
НО в лесу не развернешь колонн,
И дойти им здесь до перевала
Помешал геройский батальон.

Как грибы они попали в кузов:
Батальон полки их отразил;
Командиром русских был Кутузов, -
Полных смелых молодецких сил.

О когда знаменщик батальона
Был убит в бою, - он знамя взял,
Нов отрядах не затем знамена,
Чтоб в руках их командир держал.

Он для турок целью стал заметной;
Грянул выстрел с нескольких шагов,
И упал Кутузов... Залп ответный
Отогнал настойчивых врагов;

Оттеснили дальше их штыками,
Оттащили командира в тыл
И кивали горько головами:
Можно ль, чтоб с такой он раной жил?

Эта рана стала знаменитой:
Пуля круглая в орех лесной,
В голову навывлет!.. Как убитый,
Он лежал, когда утихнул бой.

Вместе с пулей вылетел глаз правый.
Левый был закрыт. В крови щека.
Немец-лекарь произнес суд правый:
«Два часа не проживет никак».

На подводу уложили тело,
Повезли за горы, в лазарет.
Лекаря за пульс: плохое дело.
«Пульс хоть есть, да ведь сознания нет».

Бак прошло два дня. Вдруг без усилий
Глаз открыл он, мутно стал глядеть...
А в полку уж все готовы были,
Чтоб его как следует отпеть:

Схоронить его, штаб-офицера,
По уставу похорон таких,
Речь сказать над гробом для примера
Молодым, оставшимся в живых;

Место выбрать для его могилы,
Чтобы Крым тут дал ему приют;
Панихиды справить чин унылый
И последний в небо дать салют.

На суда, оставив берег Крыма,
Свой отряд собрал Гассан-паша;
А Кутузов вел борьбу незримо,
Чтоб из тела не ушла душа.

Смерть стояла у его постели,
Смерть сидела на его груди,
От нее уж ноги холодили,

А Кутузов Смерти: - Погоди! -

Это слово Смерти надоело,
Смерть ушла, блеснув косою своей,
И поднялось молодое тело,
Изумив армейских лекарей.

Был до раны всем на удивленье
Умница, красавец, здоровяк,
А теперь сидел, как привиденье,
Этот бывший весельчак, остряк,

Высланный Румянцевым из ставки
За остроты там над ним самим,
И потом, чтоб избежать отставки,
К Долгорукову сюда попавший, в Крым.

Поднимал он медленную руку,
Щупал голову: его иль не его?..
Лекаря изверились в науку,
Не понявши в этой ране ничего.

На ноги поставленный натурой,
Генералом стал он молодым;
Под Очаковым другою пулей-дурой
Ранен был он, защищая Крым:

Шел в атаку, как и прежде пылок,
Несмотря на генеральский чин, -
Пуля в щеку с выходом в затылок, -
В ту же голову и новый острый клин!

И случилось так же, как и прежде:
К скорой смерти был приговорен;
Смерть явилась в траурной одежде, -
Погоди! – сказал, как прежде, он.

Смерть стояла у его постели,
Смерть сидела на его груди,
От нее уж ноги холодели,
Он твердил упрямо: - Погоди!

Смерть ушла, сверкнувши зло косою: -
Так не хочет стать он мертвецом!..
Как ни долго он болел, но к строю
Он явился снова молодцом.

Боевой, подтянутый и бравый,

Став на левом фланге русских сил,
У Суворова рукою был он правой,
Когда штурмом брал тот Измаил.

Годы шли. Испытанный боями,
Стал Кутузов старый генерал;
Наконец, командуя войсками,
На Дунае турок доконал.

А когда звезда Наполеона
Подводила дерзкого в Москве,
Тут уже не знамя батальона,
И не пули в крепкой голове;

Тучи пуль – и в голову России!
Знамя чести в руки дал народ!
Кто видал еще бои такие
Как перед Москвою в этот год?

Сплошь лежали тут тела французов,
Хоть легло не меньше и у нас..
Пусть Москвы не спас тогда Кутузов,
Но зато он честь России спас!

По Москве он ехал смутнолицый,
Тучен, сед, на белом маштачке;
Но не двинул армии к столице, -
У Москвы держал ее в руке.

Ждал, когда пойдут враги обратно,
И дождался, наступил на хвост.
Есть, конечно, и на солнце пятна, -
Вот пятно Кутузова: был прост.

Очень просто за Наполеоном
Шел, пока остался тот один
И в кибитке укатил с поклоном
Из холодных русских палестин.

В городке Бунцлау, победитель,
Боевой отрадой утомясь,
Знамени российского хранитель,
И фельдмаршал и Смоленский князь,

Слег Кутузов в муке безотрадной,
Тяжело дыша, открывши глаз...
Величаво, без косы, парадно
Смерть к нему явилась в третий раз.

Смерть ему сказала: «Честь герою!
Ты теперь не скажешь: - Погоди!
Я сама твой мудрый глаз прикрою
И прижму тебя к своей груди.

Не иду наперекор я жизни,
Но всему на свете есть предел.
Ты достиг его. Своей отчизне
Подарил ты много славных дел».

Умер он...В Бунцлау, в Ленинграде
Памятники вечные ему,
Но возможно ли там быть такой отраде,
Как у нас, в полуденном Крыму?

Здесь стена белеет полукругом,
Барельеф Кутузова в стене,
И фонтан, и, стоя верным другом,
Тополь шепчет что-то в вышине.

Лес кругом, где бой кипел старинный,
Ниже – море, как и в той поре,
И, - случайность! – бюст Екатерины
Высоко, напротив, на горе.

АЛУШТА

Простором долины дыша
И пляжем своим знаменита
Алушта уж тем хороша
Что всем она вздохам открыта

Привольно, свободно тут жить
Тому, кто застою боится
Об этом ему не тужить,
Уж воздух тут не застоится

Задует ли с моря нордост
Взъярится ли с севера бора,
Алушта для них только мост,
Чтоб шла их работа тут споро.

И кажется, город ветрам
Обязан, хотя и без спроса,
Что он по долам, по горам
В таком беспорядке разбросан

Но время идет чередой
И пустоши эти сдадутся
Тут брызнут живою водой
и части Алушты срастутся

Когданибудь будет стоять
Тут город большой и богатый
И будут палаты сиять
На этой земле тароватой

Пока что тут все начерно,
Большое же скрыто в тумане
Развиться иным не дано
Алушта ж – простор для мечтаний

О ЧИЖЕ

Какое счастье, так прожить
Всю жизнь своим трудом,
Гнездо себе на ветке свить,
Сказать о нём: - Мой дом!

И петь, что хочешь целый день
И так, как можешь ты, -
Петь солнца свет, деревьев тень
И яркие цветы.

О настоящем и былом
О том, что будет, петь,
И даже о себе самом,
Что лучше знаешь ведь.

Пуškai всего ты только чиж
Не ястреб, не орел,
Но ты поешь, ты не молчишь,
Свой дом себе завел.

Тут море, горы, тут простор
Тут вдохновенный край, -
Я это знаю с давних пор
И ты об этом знай!

21.10.1948 г.

3. ПРИРОДА И ВРЕМЕНА ГОДА

ФЕВРАЛЬСКИЙ СНЕГ

Лавры подстриженные недавно,
И голубые японские ели,
И вечно-зеленые кусты бересклета, -
Как безжалостно и как бесславно
Их тяжкие снежные шапки обсели,
Когда им уж грезилось лето.
Низко обвисли ветки магнолий,
Листья их стиснуты, сдавлены, смяты,
И, как старые нищие, скорчились пальмы юкки...
В садике малом – сколько тут боли, -
Точно нахлынули супостаты,
И в борьбе опустили бессильные руки.
Но снег идет трети сутки бесстрастный,
Плотный и крупный, густой и тяжелый,
И даже ветры пред ним отступили...
Он здесь хозяин теперь полновластный
Море тоже его, и горы, и доли...
Он делает то, что делать вправе и в силе.
Он и дороги засыпал в горах,
И долго будут они непроездны, -
Но зачем ему этот жалкий людской предрассудок?
Он – вечность земли, ее белый страх,
Холодный, высокий, звездный...

РОЗОВЫЙ СНЕГ

Багровое солнце вставало,
Чтоб взять настоящий разбег,
Бросая свое покрывало,
Свое покрывало на снег.

И радостным розовым светом
Сплошные снега зацвели,
Как будто ответным приветом
Встающему солнцу с земли.

И было нехолодно в поле,
И пахло цветами снегов,
И в розовом этом раздолье
Забыл я друзей и врагов.
1948 г.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Шагнули тени далеко
От тополей высоких,
Уж близок вечер, и легко
В прозорах синеоких.

На ветках кое-где листы
Желтеют золотые...
Как для простой их красоты
Найти слова простые?

Вон даже солнце за горой
Как будто задержалось:
Оно вечернею порой
Сдержать не может жалость;

Ведь растает на всю ночь
Со всем, за чем следило,
А завтра будет ли точь-в-точь
Такое же, как было?

Как целомудренно чиста
Морская даль до края,
Как будто детские уста,
В улыбке нежной тают.

И ты стоишь, забыв про то,
Кто ты и что с тобою,
В тебе все светом залито
И синевою морскою.

В САДУ В АВГУСТЕ

Подпертые чаталами под ветки,
Уселись яблони... Плодов не перечесть!..
Распыжились, как добрые наседки,
Чтоб тяжкий груз до спелости донести;

Чтоб ветер злой не отряхнул на землю
Безвременно незрелую красу...
И каждая бормочет: — Я приемлю...
Хоть тяжело, но что ж... Я донесу!

Незримо совершается работа,
И только запах нежный выдает,
Как неустанно трудится тут кто-то,
Чтоб к осени создать плодовый мед...

Но жарко, и внизу потрескались чаши,
А только наливаются плоды...
И кажется, вот-вот тревожные мамыши,
Вскричатся яблони: воды!.. Давай воды!..
1928 г.

ПРИДОРОЖНЫЙ КАМЕНЬ

Камень огромный стоит при дороге.
Гор величавых далеки отроги,
Как он попал сюда, мощный гранит?
Что он в себе таит?

Только ваятель знает, что скрыто
Под угловатою шапкой гранита;
Только одни его руки найдут,
Кто замурован тут.

Если б пришел он сюда, вдохновенный,
Если бы вывел из тяжкого плена
Тех, кто, известно, сюда заключен,
Был бы на век почтен.

Мы же пока отдохнем у подножья,
Камнем плененных собой не тревожа;
Будем простором над ними дышать,
Будем о них мечтать!
1955 г.

ЗНАКОМЫЕ КОРОВЫ

Серьезен был ученый этот,
Хотя глазами молод был:
Свой проводил и в жизни метод.
Я молоко с ним рядом пил
И угощал его:— Хотите? —
Но был ответ его суров:
— Не пью я молока, простите,
От незнакомых мне коров.
1956 г...

КРЫМСКИЙ МИНДАЛЬ

На севере Крещенские морозы,
Но их не знает крымская земля:
Еще стоят в зеленых листьях розы
И набухают почки миндаля.
Миндаль прижился тут на побережье
И русской зимы он не признает:
Пусть даже холода тут будут те же,
Он все равно в апреле зацветет.
19.01.1957

Возвращение

Заповедная ширь и лесов, и полей,
Я – твой сын и иду к тебе снова!
Ободри меня тихою речью своей,
Улыбнись, приласкай, обойми, обогрей,
Приюти не имущего крова.

Я – твой сын, но во мраке больших городов
Я с толпой суетливой смешался,
И надел я вериги и цепи рабов
И бряцаньем своих добровольных оков,
Как игрушкой дитя, забавлялся.

И, как жрец, величавые речи твердил
И кадил неизвестному богу.
Но его не познав, я кадило разбил,
Бросил цепи на страданные цепи могил
И бежал на другую дорогу.

Там я счастья искал, наслажденья искал,
За блестящим миражем гонялся,
Задыхаясь на пыльном пути, упал,
Подымался и снова куда-то бежал,
Пал снова и вновь поднимался.

Вместо стройных картин нагонял я туман,
А мираж пропадавал, исчезая;
Продолжала толпа свой обычный канкан,
Но меня испугал этот вечный обман,
И бежал я, его проклиная.

Я был жизнью разбит, я был жизнью измят;
Вечным шумом людским оглушённый,
Уж не шёл я вперёд, уж не шёл я назад,
И кипел во мне дум разлагающих яд,
И был чужд я толпе миллионной.

Но припомнилась мне ширь степей и лесов,
Высь бездонных небес голубая,
Шёпот старых дубов, ароматы цветов,
Пред вечерней зарёю раскат соловьёв –
Детство, юность моя золотая!

И, заплавав, простор и лесов, и полей,
Блудный сын, я иду к тебе снова!
Ободри меня тихою речью своей,
Улыбнись, приласкай, обойми, обогрей,
Приюти не имущего крова!

Осенью

Пожелтелый пушистый камыш,
Деревенька вблизи за озёрами;
В узкой раме соломенных крыш
Сизый дым разостлался узорами,
Вётлы голые, свежесть и тишь.

Вновь проснулись грёзы лучистые,
И в каком-то забытии стоишь...
А кругом камыши золотистые,
Гладь застывших озёр, кочки мшистые,
Вётлы голые, свежесть и тишь.

Соловей

Пред вечерними лучами
У зеркального ручья
Над малютками цветами
Льётся песня соловья;

Льётся трелью серебристой
И раскатами звучит
Над фиалкою душистой,
Над листочками раки;

Ей природа отвечает,
Ароматами дыша;
В мире звуков утопает
И уносится душа;

И гармониею чудной,
Забытьём весь полон я –
Меж листвою изумрудной
Льётся песня соловья.

Глубина

Глубоким будь, как океан глубокий,
Тогда тебе не страшны будут бури:
Они не омрачат твоих небес лазури, –
Отбушевав, улягутся в свой срок.
Очистятся руины разрушенья.
Из глубины, где мысль сохранена,
Для радостного нового строенья
Подыметесь творящая волна.

Атомный век

Есть сказка: гром такой гремел
Над головой слепца в дороге,

Что от испуга он, убогий,
Давно не видевший, прозрел...
Хотелось бы, чтоб сказка эта
В наш век пошла во все концы,
Чтоб стали зрячими слепцы
Везде, на всех просторах света.

* * *

На свет, на солнце, на простор
Иди, когда в тисках у горя –
И высоте учись у гор,
А широте учись у моря.

Ты позабудешь с жизнью споры,
Благословляя бытие,
Когда поймёшь, что море, горы –
Лишь продолжение твоё.

МАЙСКАЯ ГРОЗА

Гудят-звенят семизвонно,
Толпами мчатся кентавры,
Из чугуна и литавры,
Из черной парчи знамена!

В горах и скалы и буки
Метут их хвосты вороные,
Стучат их копыта стальные,
Сгибают буки их руки.

Какое бешенство боя!
И как сверкают глазами!
И как грохочут над нами
Сигналы грозных гобоев!

И как крупны и кристальны
К нам падают слезы сраженных,
И как для нас, напряженных,
Их последние вздохи печальны!

Как жутки людские лица
В неровном сверкании света!
Уйдите в комнаты, дети –
Ведь это вам не зарница!

Блится извив за извивом,
Вонзаясь в сумрак глубокий, -
И вот уж шумят потоки
По нашим крутым обрывам!..

У смятых каштанов обвисы,
У кленов рвутся оплечья,
Склонив свои остроконечья,
Ударов ждут кипарисы!

Уймите пыл свой, кентавры!
Кричите, дети: «Миритесь!»
Беззлобным маршем пройдите
И спрячьте ваши литавры!..

Ага, - они мчатся в море!
Пусть там поднимают смерчи:
Море пусто от Ялты до Керчи, -
Там бейтесь себе на просторе!..

Голубизною приветной

Дневное к нам ринулось пламя,
И пышно мирное знамя
Взвилось в нем дугой семицветной...

ОКТАБРЬ

Усталый день изнеможенный
Он не туманен, - светел он,
Не свет какой то отраженный, -
Не в полный тон, а в полутон.

Как будто отмахнулись горы
От ярких солнечных лучей
И рады бы повесить шторы,
Чтоб их не видел глаз ничей.

Лес в позолоте тускло-ржавой,
На море – дымка над волной,
И жизнь не кажется забавой,
Как было летом и весной

Везде задумчивость разлита
Притушено, затаено...

В начале апреля

Тут - выси гор, там – море даль,-
Ликует там и тут!
Пришел апрель. Отцвёл миндаль,
И персики цветут,

И зелень листьев и травы,
И песню дрозд завел;
Заботы выше головы,
У хлопотливых пчёл.

Все нежной дымкой между тем
Любя заволокло,
Чтоб не тревожило ничем,
А радовать могло

Дана природе благодать,
Какой мы лишены,
Великолепно оживать
С пришествием весны.

Какие пышные цветы
Дала желтофиоль!
Кругом так празднично, а ты
Завидовать изволь?

Нет, мне завидовать к чему?
Я сам цвету весной:
Посильно моему уму
Я весь насквозь земной.

Скворцы в Крыму

Края, которые снегами
Заносит месяцев на шесть,
Привычно тешатся скворцами:
Скворцы несут благую весть.
Пар от земли, как дым от трубок, -
Идет весна, теплом дыша,
И тело скинет полушубок,
И отогреется душа.

Но здесь, где нет такого гнета,
Как холод полугодовой,
Скворцов отлета и прилета
Не замечаем мы порой.

Какие вести нам благие
Скворцы способны принести?
Мы в январе сидим нагие, Чтоб солнцу легче нас найти

Ликуют бабочки, порхая,
Сверкает моря синева,
По склонам гор, как глаз лаская,
Ярчит зеленая трава...

У нас весну – красну встречают,
Набухши , почки миндаля,
И без скворцов об этом знают
Все, - небо, моря и земля.

20.04.1948

РОДНОЙ ПЕЙЗАЖ

Бывает так: висит на вернисаже
Как будто свиду простенький пейзаж,
Но за него другие все пейзажи
И жанры и портреты, - все отдашь!

Глядишь-гладишь, не можешь оторваться
Неловки так стоять, - уйти нет сил.
Готов грустить пред ним и улыбаться:
Художник много так в него вместил!

Твои тут детство, отрочество, юность,
Все то, что сделало тебя самим собой,
Дало и многогранность, многострунность
И глубину, и даже облик твой.

На нем ты вырос, он в тебя заложен,
Он для тебя всего и всех родней,
И ты стоишь взволнован и встревожен,
Не замечая около людей!

ВТОРОЕ ЦВЕТЕНИЕ

В Крыму, бывает, зацветут
Вторично яблони и груши,
Как в сентябре дожди пройдут
Большие после летней суши.

Еще не сняли урожай
Но вот повсюду меж плодами
Глядят цветы: им место дай,-
Они спешат на смену сами.

Тогда ведь света и тепла
Хоть отбавляй, и снова вьётся
В саду рабочая пчела,
И завязь новая начнется.

Так иногда молчит поэт,
Другими занятый трудами,
Чтобы потом, на склоне лет
Ожить и зацвести стихами.

20.12.1948

МИНДАЛИ

Я далек от мысли спорить
С легким временем бичом
И с запутавшимся в шторе
Тонким утренним лучом.

Приневолив к ликованью
Даже там, в сеньях, засов,
Подбирается к сознанию:
Солнце, утро, пять часов!

И скребут как будто крышу,
И гудят везде шмели...
Вышел – вижу, чую, слышу,-
Распустились миндали!

Совершившемуся чуду
Меры нет, названья нет!
Справа, слева, - отовсюду
Облаками хлынул цвет!

Бело-розовых созвучий
Заклубившийся каскад!
И шмели в пыли пахучей
Ошалелые гудят...

И вверху на ветке тонкой,
Выше всех миндальных звезд,
Свой восторг в руладе звонкой
Изливает черный дрозд, -

А за ним, как за солистом,
Мощь басов, лиловых гор,
Чуть притушено и мглисто,
Выждав такт, вступает в хор...

И как флейта в стройном хоре,
Как желанная печаль,
Кое-где синее моря
Увлекающая даль!

АЛУСТОИ.

Этот холм, долину замыкающий
Не меньше всех соседних гор;
Прямо перед ним лежит свернувший
Моря многоводного простор.

Тут тысячелетия не человек,
Человек тут был спонсор веков,
Что оставить мог он нам? Бессмысленно
Нам искать тут древних очагов.

Видя таври витесненн греквизн,
На холме, открытом с трех сторон,
Меж двумя форелевыми реками;
Выросло селенье Алустон.

Чтобы с гор сюда не шли кочевники,
Перевах там зорко стерегли;
Делали челны однодеревянны,
Умудрились строить корабли.

Холм стал даже крепостью обширною,
С башнями в пяти своих углах,
Чтоб была долина издолью маршою,
Виноград растила бы в садах;

Торговали с рыбой в Византию,
Медом, шерстью, кожей, вином;
Чтоб владела водною ступицею,
За своим укрывшись холмом...

Небольшой полет воображения,
И с горы, где я сейчас стою,
Вижу я то древнее селенье
Так же ясно, как ладошь свою.

Стены крепости и башни круглые,
Черепицей крытые дома...
Вижу, как идут гречанки смуглые
За водой к подножию холма

С узкими двухручными амфорами,
И глядят на пристань: рыбаки
Привял к ней толчками весел спорышек
Груженныя рыбой челноки...

По дороге едут в племах всадники,
Каждый в броню медную одет,
А в долине там же виноградники,
Где я вижу их покосити лет.

ДОЖДЬ И СОЛНЦЕ.

Подряд часа три, или больше того,
Шел дождик, и моря все не было видно,
И спрятались люди — нигде никого,
И было за них и за море обидно.

И было тоскливо... Вдруг солнечный луч,
Линуюю, красив, ослепительно ярок,
Пробился сквозь крышу гнетущую туч,
Как будто бы сделал бесценный подарок.

И море блеснуло, и сетка дождя
Последнего веселе так рассмеялась,
Что радугей даже, от нас уходя,
Приветливо, дружески с нами прощалась.

Мне кажется, тысячу раз я видал,
Как солнечный луч пробивается в тучи,
Но в тысячу первый, теперь вот, узнал
Я прежнюю радость полное и лучше.

В ТОМ СЧАСТЬЕ, ЧТОБ ТВОРИТЬ

(Отрывок)

В том счастье, чтоб творить, преобразать
Как бы застывшее, заслувшее в живое,
Творящей силе солнца помогать,
Себя избытком жизни беспокоя.
Что было, то ушло; и пусть воспоминанье
В тебе живет — жизнь оттого полней,
Но в каждый новый день вноси сознание,
Что он единственный из всех — на свете
дней...
Весь наш большой народ за то, чтоб труд
Введен был в культ, как высшая святыня,
Где нет труда — сады там не цветут.
Где нет любви к труду, там мир —
пустыня.
Весь наш народ стоит за то, чтоб в
этот год
Никто нигде не слышал взрывов грома,
Чтобы благословил его лобой народ,
Как год великого всемирного подъема!

С. Сергеев-Ценский

Д О М А

Я дома, я дома, я дома вновь,
И горы со мной говорят,
И мне показало свой новый наряд
Море, - моя любовь!

Золотом крокусов силены цветут
Там и вон там, и тут!
Не колыхнется морская волна:
Блеск, синева, тишина!

Мир предо мною высок и широк,
Вечности претупь легка,
Гладит мне волосы, как ветерок,
Чья-то родная рука.

Нотной бумаги мне больше готовь!
Тихо порт, слышу я,
Горы, - мои великаны - друзья,
Море, - моя любовь!

З Д Р А В С Т В У Й , М О Р Е !

Здравствуй, море! В разлуке с тобой
Я провел полтысячи лет!
Меньше? ... Может быть, меньше: не сиром,
Иногда не точей поэт.

Это были огромные годы, -
Каждый год по тысяче дней!
Меньше? Нет! Ведь жили народы,
А не тот или иной из людей.

Здравствуй, Фрег! Как стал ты изжужан
Ненасытной пастью войны!
Ты теперь не в оковах, - раскован,
Зарастешь, подожди до весны.

Здесь, где был я счастливым когда то,
Ты вернешь мне бивальный уют
Здесь легендами море богато,
Слушать их - мне завещанный труд.

Труд ли, нет ли, - отблеск кровавый
Вижу я на синей воде...
Это суд свершился тут правый,
Воскрешен он, и я - на суде.

Здесь победное знамя колыхнет
С гор моих набегавший бриз;
Каждый камень тут летопись пишет,
Только сердцем к нему прислонись.

Сердце слышит и берег и море
Сердце бьется тревожно во мне...
Час придет, - на геройство и горе
Отзовется оно в тишине!

13/У111-44 г.

Алунта.

РАБОТАТЬ ДЛЯ КРЫМА.

Работать для такого края,
Как Крым, отрадно и легко:
Ему ведь до земного рая
Совсем не так уж далеко.

Мал Золотник, но очень дорог;
Недаром дерзостно у нас
Стянуть его стремился враг
И приходил сюда не раз.

Не отдадим, как не отдали
Мы этот ласковый простор,
Ни эти сказочные дали,
Ни выси этих наших гор.

А это море! Газ запахло
Нам в душу море, то она
Так властно нас к себе призывало,
Что нам уйти уж не дано.

И не уйдем, и силы наши
Все без остатка отдадим
Краям пьянящей этой чаше
Под небом вечно-голубым!

9/1-49 г.